

Суббота, 3-го Июля 1904 года № 6353.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Суббота, 3-го Июля 1904 года № 6353.

ОДЕСКИЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

всклачных и несочетаемых слов? Видь ему было всего 44 года, видь еще на днях мы читали о его поправляющемся здоровье. И давно ли мы все говорили о его „Вишневом саду“, — кому могла придти мысль, что это его лебединая пьеса, что забытый и заткво заключенный в оставленном доме Фирс символизирует невольно пропешую тень смерти...

Видные мы, бедные! В это ужасное время похоронь мы должны еще терять наших великих людей пера! Не успел остыть прах вождя мысли, как перестал жить великий мастер слова, можно сказать, властитель наших настроений. И его не стало в такой момент, когда творчество его наиболее удовлетворяло всех, когда его живое и мелахолическое слово больше всего утешало нашу наболевшую душу, когда его вдохновение проникалось мотивами, наиболее пасть затрагивавшими.

И он ушел, когда мы ждали от него так много, когда с каждым днем связь его с нами становилась теснее, когда наша взаимная близость становилась так тесна... Чехова не стало! Это кажется столь же непонятным, сколько и неосмысленно — жестоким. Непонятным, быть может, потому, что мы совершенно не подготовлялись к этой потере и не можем сразу помириться с постигшим нас несчастьем. Излишней жестокостью эта смерть кажется нам, быть может, потому, что Чехова мы недавно научились любить и еще недавно начали понимать его. И, конечно, это незаслуженный удар для нашего общества, когда оно лишь готовилось исправить свою холодность в отношении к писателю, когда оно только что узнало, какой плодотворный гений окрыляет его сознание и какой святой родник чистого чувства и глубокой мысли бьет и таится в творениях этого художника...

Чехов жил не долго, но много. Об этом свидетельствует оставленное им полное собрание его сочинений и не задолго до его смерти завершившийся 25-летний юбилей его литературной деятельности. Возьмите любой том его сочинений, хотя бы первый, состоящий из мелочей и смѣшных шуток, написанных для „Стрекозы“ или „Будильника“ и вѣсегда подписанных „А. Чехов“, девятнадцати или двадцати-летним юношей, студентом. Сколько ума и наблюдательности, какое знание и опыт жизни, какую проникновенность и проникновение души обнаруживает в каждой этой мелочи юный и еще начинавший жить писатель! И взявши одну из лучших первых его миниатюр, например, „Мушкетер“, сопоставьте с последним из его рассказов, „Невеста“, или последней его пьесой „Вишневый сад“. Чехов вездѣ, с начала и до конца остается Чеховым. Прежде всего, большим художником-психологом, для которого доступны все тайники интеллигентской души и все средства, которыми не всем видимое и никому невидимое легко и искусно обнаруживается и воспроизводится на белый свет. Особенно же хорошо и верно он умел заглядывать в душу маленьких и сиренных людей, и так как он знал ее, эту душу, в совершенствѣ, то не мудрено, что мы имеем перед собой дѣлая портретныя галереи этих людей, непоты драматическія залежи из исторій их замученой и опустошенной душевной жизни...

Из прожитых Чеховым 44 лет с лишним, дѣла 25 лет Чехов писал, писал большія и малыя произведения, писал для чтенія и для зрѣнія (для сцены). В этом вся его биографія. И писал он так, что не многих удовлетворял, любители смѣшного и забавнаго грустили послѣ каждого приема этого своеобразнаго смѣшотворнаго; цѣнители содержания, идейнаго и ясно выраженнаго, недовольствовались представленным. Впослѣдствіи это недовольство вѣсколько смягчалось, и огромное общественно-воспитательное значеніе чеховских разсказовъ было признано въ значительной степени. Но и до послѣднихъ дней его, еще накануне его безвременной кончины, раздаются голоса, сомнѣвающіеся и даже отрицающіе, — сомнѣвающіеся въ величій литературныхъ заслугъ Чехова, отрицающіе его доминирующее значеніе въ нашей молодой литературѣ (напомнимъ недавнюю статью г. Ляцкого о Чеховѣ въ „Вѣстникѣ Европы“). Это отношеніе къ Чехову нашей критики и вѣкоторой части общества представляется намъ тѣмъ прискорбнымъ фактомъ, который началъ сглаживаться и смягчаться еще при жизни дорогаго намъ писателя и который стерся-бы скоро, какъ недоразумѣніе и

исторически исправленная ошибка, если-бы онъ пожилъ еще немного.

Но онъ не дождался полной реабилитации, какъ не дождался ее и многіе изъ его великихъ предшественниковъ, на памяти которыхъ, еще много лѣтъ послѣ ихъ смерти, смѣдились еще болѣе крупныя и еще болѣе важныя недоразумѣнія — и недоговорки. И что бы тамъ ни говорили нѣкорые, ему уже успѣли отдать должное многіе и, въ томъ числѣ, тѣ, которыхъ онъ самъ цѣнилъ болѣе всего. Также не могъ ускользнуть отъ него и успѣхъ его произведений въ публикѣ, и онъ имѣлъ не мало доказательствъ того, какъ популяренъ онъ былъ въ Россіи и какой любовью къ нему прониклся читатель его пьесъ. Кто знаетъ! Быть может, онъ, читатель и зритель, равнѣе и гораздо вѣрнѣе отънесли Чехова, тѣмъ его критики. Они первые (читатели) уловили въ его творѣніяхъ ту „тоску по идеалу“, которой томились они сами и которую открыли тамъ позавѣйшіе насѣдкователи. Они же первые поняли непосредственнымъ чутьемъ, что авторъ „Острова Сахалина“, проявившій тутъ столько гуманизма и теплаго чувства къ людямъ, не можетъ быть намынъ и въ „Ивановѣ“, „Случае исторіи“, „Черномъ монахѣ“, „Палатѣ № 6“ и т. п., хотя бы въ нихъ не сказывалось такъ прямо и открыто его отношеніе къ людямъ и событіямъ.

Сюда относится и известная легенда о чеховской объективности и даже жестокости. Чехову выпала тяжелая доля быть историографомъ поколѣнія восьмидесятниковъ. И онъ зналъ его слабости, болѣе его недугами. Понятно, что изображая его и его страданія (хотя бы въ „Ивановѣ“, въ драмѣ того же имени), онъ не могъ отнестись къ нему съ недоговариваніемъ и съ обличеніемъ. Въ вѣкоторыхъ случаяхъ онъ не могъ не сочувствовать ему и съ грустью констатировалъ, что, подобно работнику Семену, онъ (его герой) надорвался, положивъ на спину непосильную ношу. Отсюда выводилъ, что Чеховъ не только сочувствуетъ нутю и безпомощности, но и раздѣляетъ бездѣтельность, безпринципность и т. п. Легенда катилась и росла, пока не выросла въ предубѣжденіе и предрассудокъ противъ „идеальности“ писателя. А между тѣмъ, если у него не было прямой и открытой вѣры, сколько теплоты и сочувствія пролило у него къ ищущимъ этой вѣры, сколько облагораживающей жажды всего идеальнаго вложено имъ въ рѣчи его несчастныхъ и надломленныхъ героев...

Чехова начали понимать и любить у насъ въ послѣднее время. И теперь, когда его не стало, когда онъ самъ не можетъ высказать себя, заговорить о немъ оставленныя имъ творенія. Про нихъ съ большимъ правомъ, чѣмъ о какихъ-либо другихъ, можно сказать, что это живая, говорящая книга. Она разскажетъ намъ, чѣмъ жила и страдала художникъ, что любилъ онъ и чему сочувствовалъ. И поверьте пока на слово, что научить она не пытокъ и безчестію, а добру и человѣколюбію. Иначе быть не можетъ, ибо чеховское наслѣдіе — великій кладъ литературы, а самъ Чеховъ — одинъ изъ великихъ нашихъ учителей добра...

Н. ГЕККЕРЪ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

(Некрологъ).

Умеръ Чеховъ! Кого не поразитъ эта оглушительная вѣсть? Чье сердце не сожмется отъ боли при чтеніи этихъ двухъ